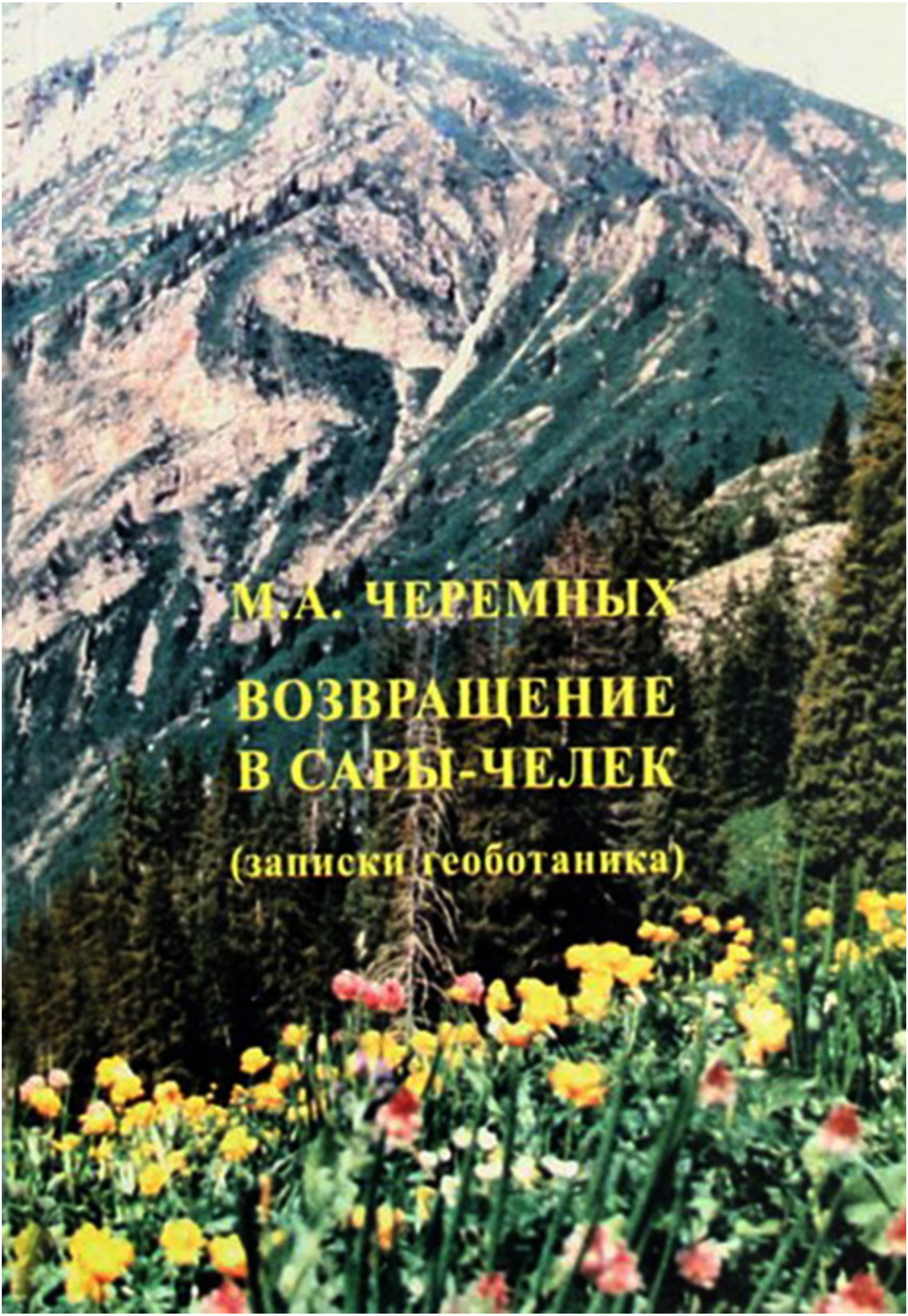


М.А. ЧЕРЕМНЫХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В САРЫ-ЧЕЛЕК

(записки геоботаника)

Михаил Черемных

Возвращение в Сары-Черек

«Товарищество научных изданий КМК»

2008

Черемных М. А.

Возвращение в Сары-Черек / М. А. Черемных — «Товарищество научных изданий КМК», 2008

ISBN 978-5-87317-467-6

Ботанико-географические, экологические, исторические и приключенческие изыскания.На страницах книги Вы найдете целый ряд интересных наблюдений и приключений самого разного плана, развивающихся на фоне пышной растительности Западного Тянь-Шаня, в Киргизии. Вы пройдётесь по уникальным ботаническим ландшафтам, побываете в ореховых лесах, в зарослях высоких зонтичных, на альпийских лужайках и в высокотравьях сырых ущелий… Книга написанная на изломе эпох, в атмосфере последнего издыхания СССР, отразила на своих страницах характерные особенности происходящих в это время событий и перемен, как в обществе, так и в сознании людей, в том числе автора. В книге нет ни одной вымышленной фамилии, все названные её герои реальны, в большинстве работающие и здравствующие ныне, все события – маршруты и наблюдения – происходили так, как они описаны. Даже если философские выводы книги пессимистичны, вам не будет скучно на её страницах.Книга хорошо иллюстрирована фотографиями автора, пополнена фотографическим материалом и рисунками из других изданий, ссылки на которые перечислены в соответствующих разделах.

ISBN 978-5-87317-467-6

© Черемных М. А., 2008
© Товарищество научных изданий КМК, 2008

Содержание

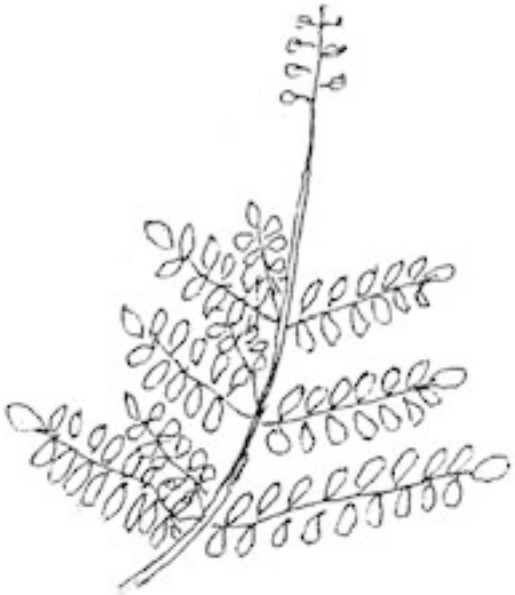
Предисловие 6
Глава 1. В забытых горах Бозбу-Тау 8
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Михаил Черемных
Возвращение в Сары-Челек

© Черемных М.А., текст, иллюстрации, 2008
© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2008

* * *

Предисловие



Однажды, ещё в Иркутске, перед тем как отправиться в далекий, совершенно неведомый Тянь-Шань, я зашел в библиотеку и просмотрев десяток справочников, разных лет, с удивлением нашел там упоминания об уникальных ореховых лесах. Это моё удивление не закончилось, когда уже не первый год я бродил под тенистыми кронами орехов. Не закончилось оно и сегодня, по прошествию нескольких лет, как мы покинули эту горную страну. Книга «Возвращение в Сары-Челек», не появилась бы без одного незначительного события. В 1988 году, будучи научными сотрудниками одного из академических учреждений Бишкека – Института биологии, мы с коллегами, закончили многолетнюю работу над важным правительственным заданием – крупномасштабной геоботанической картой, входящей в серию карт о природе Киргизии. Это было знаменательное событие. Прошли собрания, поздравления. Где-то в это же время нашу лабораторию посетил известный журналист из популярной газеты… На следующий день после визита журналиста я зашел в кабинет заведующего, доктора биологических наук, А. С. Цеканова и тот, пуская клубы густого сигаретного дыма, некоторое время вертел в руках исписанный лист бумаги, точно не знал, в какой угол стола его положить. Наконец, определившись с листом, он повернулся ко мне.

– А, Михаил, садись. Тут одно предложение поступило. Даже не думай отказаться, я обещал. Нужно подготовить два-три научно-популярных рассказа, о редких декоративных или лекарственных растениях нашей республики, или о сообществах интересных, ну там о лугах, болотах, лесах или пустынях. Ты же жил в Сары-Челеке, вот и напиши что-нибудь оттуда, мы потом выберем и опубликуем самый удачный.

Я начал, возражать, но это ни к чему не привело.

– Не получится – никто тебя не осудит, но ты все же постарайся, – добавил он. Прошло несколько недель, несколько месяцев, но никто не вспомнил об этом странном задании. Мною было подготовлено не 2-3, а где-то 7-8 рассказов.

Проходило время и мне стало ясно, что о сочинениях моих никто не вспомнит, впрочем, и напоминать о них я то же не стал, чувствуя какую-то незрелость в восторженных и чересчур красочных сюжетах, особенно, когда начинал почему-то сравнивать свой стиль со стилями известных авторов-натуралистов: «Недотягивают, как много недотягивают!», сокрушался я.

Время от времени, когда какой-то дятел стучал в голове, точно напоминал о необходимости заняться рукописями, я доставал их из стола, вставлял новые эпизоды и прятал в стол. За год-полтора рукописи обросли многоэтажными поправками и дополнениями, они стали совершенно несопоставимы по объёму с теми, что были написаны изначально, а первые восторги уже отыскивались с трудом в разросшемся тексте. Наконец, переписав рукопись в очередной раз, я изложил её содержание от первого лица, добавил элементы хроники, сделал попытку превратить разобщенные рассказы в главы единой книги, с общей сюжетной линией. Удалось ли мне это сделать?

Это книга о растениях и растительных сообществах. Перелистывая её страницы, Вы пройдетесь по горной тайге, по широколиственным лесам из ореха грецкого, по луковым лугам и горным полусаваннам. Вы познакомитесь с сообществами других всевозможных экзотических трав, которые будут скрывать с головой, кустарников – преодолеть которые можно будет только по кабаньим ходам, ползком, и всюду они будут так близко, точно вы сами раздвигаете их многочисленные стебли своими руками. Вы будете различать их, читать названия и видеть как их много. Местами сюжетная линия теряется, как тропа на высоких водоразделах. Вы увидите звёздное небо над головой, поищите ответы на другие навязчивые вопросы современности, по философии, истории, экономике, поспорите со своими оппонентами на тему, что ждет нас впереди, но не долго вы будете блуждать под звездным небом, сюжетная линия снова появится, как тропа, которую только что потеряли и вновь нашли. Станет весело, солнечно, и преграды превратятся в веселое приключение, а впереди всех ждет горячий чай, незатейливый ужин и интересные рассказы у костра.

В книге много событий, любопытных историй, примечательных наблюдений и встреч с интересными людьми. Они описаны так, как происходили на самом деле. Её герои реальны, ни одна фамилия не вымышлена, приключения не приукрашены. Я признателен своим попутчикам и терпеливым спутникам, которых протащил по горам, иногда с непредвиденными трудностями и опасными моментами, вместо ожидаемой ими, более легкой прогулки.

Итак, мы побываем в Чаткальском хребте – на реке Кара-Суу и её притоках, заедем в город Таш-Кумыр, в села Караван, Джанги-Джол, Кызыл-Туу, поживем в Арките – в Сары-Челекском заповеднике, в Бишкеке – столице Киргизии, погуляем по улицам города Ош и ещё в других местах.

Глава 1. В забытых горах Бозбу-Тау

25 июня. Иногда получается так, что событие, к которому основательно и долго готовились, надвигается неотвратимо, и складывается впечатление, что оно всё же захватывает нас врасплох. Мы уже ничего не можем изменить… Нечто похожее происходит и теперь. Я выезжаю в экспедицию, в южные отроги Чаткальского хребта. Это бы ещё куда ни шло, но на этот раз со мной собираются Мария Александровна и двое сыновей. В сумке старшего, семилетнего Александра, я нашел карандаши, десяток ручек – больше чем у меня, географические карты и старый сломанный фотоаппарат, который, он, вероятно, надеялся отремонтировать в горах. Младший, пятилетний Антон, приготовил кучу вещей, необходимых в экспедиции, среди которых роликовая доска, маска и трубка для подводного плавания. В рюкзак жены я не рискнул заглянуть.

Распределив общие вещи пропорционально физическим возможностям каждого из участников, мы заблаговременно загрузили всё это в попутную машину зоологов, направлявшуюся во главе с Эмилем Джапаровичем Шукуровым – известным бишкекским писателем, орнитологом и художником – в Ферганский хребет. Тем не менее, всю ночь была суета. Нужно было оставить комнатные растения так, чтобы они не засохли, за два-три месяца нашего отсутствия. Я заворачивал их в целлофан вместе с посудой, оставляя на поверхности только самую верхнюю часть растений, заливал туда побольше воды…

Вчера обсуждали предстоящую поездку со старейшим сотрудником лаборатории – Лидией Ивановной Поповой. Она напутствовала и напоминала где побывать, что посмотреть, сказала, что отправит к нам машину, где-то в августе, для поездок по некоторым ущельям Чаткальского хребта. Там надо было многое посмотреть, уточнить. Понимая, что машину вряд ли удастся «пробить», я слушал Лидию Ивановну, утвердительно покачивая головой.

Ловлю себя на ощущении, что со смешанным чувством тревоги и радости уезжаю от городской спешки и суеты. От житейской неустроенности и от однообразной необходимости каждый день приезжать в Институт. От пыльных автобусов, заплеванных улиц и подъездов домов, вызывающих чувство отчаяния, что люди сами создают вокруг себя такие условия. От неотредактированных статей, от неотправленных писем…

Уезжаю с надеждой, что где-то в горах, ритм жизни будет иной и возможно на крутом склоне или под развесистым орехом я смогу привести в порядок свои мысли, сделать новые описания ботанических ландшафтов, найти недостающие звенья классификационной схемы…, уезжаю и от необходимых срочных дел, с которыми не всегда легко расставаться.

Не смотря на все проблемы связанные с отъездом, особое удовлетворение доставляет мысль, что я, наконец-то, надолго расстаюсь с начальством. Я не имею в виду давно уже перешагнувшую пенсионную черту жизни Лидию Ивановну – начальников и без неё было достаточно. Напротив, в ней я видел последний «реликт», «оплот», «форпост» еще сохранившейся, но уже безвозвратно уходящей в прошлое «классической ботаники». Образы её современников можно найти сейчас только в «воспоминаниях» старых книг. За несколько лет совместной работы у нас не было недоразумений, обид или ссор. Не досаждало и другое – предпенсионное начальство, считавшее своих младших коллег чем-то вроде разнорабочих и возложившее только на себя заведомо непосильную задачу – быть единственными сподвижниками современной геоботанической науки. Не раз на собраниях, я слышал их воодушевленные возгласы: «Мы идем верным путем!» Так было всегда, когда дело касалось «стратегических направлений» в геоботанике. А были ли таковые? На меньшее – они не шли. А впрочем – и они были неплохие люди, по-своему симпатичные, интеллигентные, как и все ученые.

Месяцем раньше. Мы работаем в Институте. В открытое, но зарешеченное окно свесилась листва и белые от обильных цветов ветви какой-то южной черёмухи. Комнату наполняет чудесный аромат. На улице тёплая, мягкая, совершенно не забываемая, фрунзенская весна. Перед нами развернута очень старая, рукописная, геоботаническая карта, о годе составления которой можно только догадываться. Может, 1930 или 1933-й.

– Этот контур так и тянется вдоль хребта, он рассекается долинами рек, – говорю я. Речь идет об классических пастбищах в лугостепном поясе Киргизского хребта, описанных ещё Р.И. Аболиным.

– Да, согласна, но там уже совсем другая растительность. Хорошо, если сохранились фрагменты от этих лугостепей, – слова предвещали кропотливую работу над контуром, и то, что мы еще не один час просидим, не разгибаясь, перед разложенными на столах свитками, картами, пока не проверим все первоисточники, или до тех пор, когда мало кому ведомые названия глухих ручьёв, ущелий, пересекающих исследуемые контура, на время не переключат нас на более свободные темы, а там глядишь, подоспеет время полдника или обеда.

Мы работаем над другим листом.

– В этом ущелье, Куляма-Сае, простояли три дня. Не запланированные были дневки[1]. Зато нашли там ореховые деревья, рощи из боярышника и клёна. А это говорит о том, что орех встречался в ущельях Кетмень-Тюбинской котловины и нередко. Причины его исчезновения там не установлены, я думаю что вырубки. А места, что говорить – великолепные. В то время растительность не была так сильно стравлена и вытоптана… А вот здесь, по водоразделу, я помню, такие пышные травостои, с головой скрывали, – карандаш соскользнул в низ, на дно Кетмень-Тюбинской котловины. – А здесь, к сожалению, затоплены реликтовые пустыни и полупустыни. Их даже не успели изучить как следует, описать. В те времена ни у кого не спрашивали, как впрочем, и сейчас, но с поездками проще было, и с машинами больших проблем не возникало. На месте всегда можно было арендовать лошадей. Да и народ другой был. Раньше палатку можно было оставить, не закрывая, никто не посягнёт на наши вещи. Уходили на весь день. Вечером приходили – все на месте. И так было всегда. А теперь? Из-под носа утянут, только отвернись. Темы для разговоров непроизвольно вытекали из самого процесса нашей работы – из географических названий, они навеивали различные ностальгические воспоминания экспедиций, маршрутов, имен… Лидия Ивановна вспоминала геоботаников, фло-

[1] Однодневные остановки на отдых, во время экспедиции.

ристов – своих коллег, с которыми работала или встречалась в прошлые годы – Р.И. Аболина, М.Г. Попова, Е.П. Коровина, СИ. Кудряшова, М.М. Советкину, И.В. Выходцева… Этот список можно продолжать долго. В личной библиотеке она хранила десятки книг с дарственными подписями авторов. Я брал у неё необходимые для работы издания, уже ставшие библиографическими редкостями и почти всегда находил на обложках выгоревшие чернильные строки автографов с датами начала 1930-х годов до последних дней.

– То были совсем другие люди. Таких сейчас нет. В доме у Е.П. Коровина говорили по-французски, это они специально говорили, чтобы не забывать, ведь дворяне. Такой отголосок дореволюционной России.

– А в экспедициях, Вы с ним, бывали?

– Раза два, – Лидия Ивановна замотала головой утвердительно. Иногда приоткрывались какие-то тайны и снова захлопывались, плотно, непроницаемо…

– А с М.Г. Поповым?

– С М.Г. Поповым, нет, не ездила. Он упрямым был, нарывался на скандалы, с начальством. Ему машин не давали, пешком ходил по горам, но лучше его никто растения не знал… Где-то на съезде литераторов выступил, в Прибалтике, что ли, и зачем он туда полез, что ему там надо было? Так что его сразу же отправили почти на Камчатку. Оттуда он уже не вернулся. – Лидия Ивановна не развивала тему. Она знала очень много. Знала как «съели» другого ученого – А.И. Янушевича, работавшего в стенах этого Института. Как-то, я наткнулся на черновик «протокола» партсобрания Института, случайно или не случайно оказавшийся среди наших бумаг – отрывок текста в одну страницу, где критиковали и унижали этого крупного ученого, и критиковалии как раз те, кто и ныне ничего из себя не представляет. Я вижу их в Институте, сидящими за своими столами, уже постаревшими. Они приветливы и любезны. Пожимая им руки, я думал, как бы я повел себя в то время?

– А с Р.И. Аболиным, Лидия Ивановна, встречались?

– А как же, – и, словно что-то вспомнив, она проговорила, – ах, Роберт Иванович, Роберт Иванович, это был замечательный человек. Приходилось в экспедициях с ним бывать. Студенткой ещё. За что-то их всю семью из Питера выслали, между собой разделили, так что все в разных концах жили, и где-то сгинули, никто не знает, а ученый был известный…

– А с О.Э. Кнорринг?

– С ней – встречалась, на конференциях и совещаниях в основном. Мы часто беседовали. Вы же знаете, она ещё в 1911 году с переселенческими экспедициями выезжала, и не один раз. Одна из первых побывала в вашем Сары-Челеке…, и с М.В. Культиасовым встречалась, этот наш – ташкентский, я у него училась. И у Е.П. Коровина училась… Брат его растения рисовал. У меня есть их совместная монография «Ферулы» – огромная книга, форматом в метр, подаренная автором, там все рисунки ферул, почти в натуральную величину. Анна Григорьевна её взяла, так и не вернула. Это потомки того художника…, и М.М. Советкина с Ташкента, она там в Институте коневодства работала, пастбища изучала. Ездили много и зимой и летом, ученые тогда себя не жалели, сейчас жалеют, а тогда – нет…, В.И. Липского не видела, он тогда уже старый был, правда последнее своё путешествие совершил в преклонном возрасте. Теперь нет таких величин, тем более, среди наших… – она хотела что-то еще добавить, но замолчала.

– А Анна Григорьевна, это кто?

– Вы что, Михаил, А.Г. Головкову не помните, она в Сары-Челек выезжала где-то в начале 1970-х гг. Аспирант был у неё, кавказец, Борлаков, вроде, фамилия. Она тогда Центральным Тянь-Шанем занималась и труды у нее по Центральному Тянь-Шаню имеются. Один экземпляр своей монографии она мне подарила. А вот карта у неё некудышная, вранья много. Я этой карте не доверяю. Х.У. Борлаков потом уехал куда-то в Европу работать. Больше Сары-Челеком никто по серьёзному не занимался…

Несколько лет назад, приехав в Бишкек, город назывался тогда Фрунзе, в коридорах университета я с нетерпением ждал встречи А.Г. Головковой. Она отпустила студентов и вышла из аудитории, держа в руках стопку книг, среди которых по темно-синей обложке я узнал её знаменитую монографию «Растительность Центрального Тянь-Шаня». Эффектная, солидная дама, профессор, быстро пошла вдоль коридора к своему кабинету, не обратив на меня внимания, я побежал вслед за ней.

– Анна Григорьевна, можно с Вами поговорить, я ботаник из Сары-Челека, мне нужен руководитель, по теме «Растительность…», не могли бы Вы взять меня… – быстро проговаривал я суть вопроса, опасаясь, что больше такого шанса может не быть, моя командировка заканчивается вот уже завтра. Она остановилась.

– Нет, нет, я очень занята, у меня студенты и у меня уже есть аспиранты. Вы зайдите в Институт биологии, в Академию наук, там есть лаборатория геоботаники и найдите там Л.И. Попову. Она известный в городе, в республике специалист. Сейчас они работают над правительственным заданием – Геоботанической картой Киргизии. Там задействовано много людей из Ленинграда, из Ташкента. Может быть, Вам удастся с ней договориться. Там есть еще новый заведующий лабораторией, только что защитившийся доктор наук А. С. Цеканов. С ним тоже поговорите. – Анна Григорьевна направилась по коридору в свой кабинет.

Я так и поступил. В Институте биологии меня сразу же приняли как своего будущего сотрудника. Некоторую роль здесь сыграло то, что я какое-то время работал в Институте географии в Иркутске, и меня не надо было готовить как специалиста. Л.И. Попова, предложила мне перебраться в Бишкек. Она поставила вопрос перед начальством о моём переезде в столицу, и начальство не имело возражений. Объявили конкурс – опубликовали в газете условие на занятие вакантной должности научного сотрудника, и через месяц я уже был в столице. С сожалением мы покинули Сары-Челек, подрастали ребята и им надо было идти в школу.

Обстановка в институте в те времена была доброжелательная. Сотрудники очень хорошо относились друг к другу, все были любезны, искренни, добры. Проходили ученые советы, конференции, экспедиции, издавались сборники…

Не было сплетен, злословий, интриг, и мне посчастливилось поработать в прекрасном коллективе, где директором был уважаемый всеми член-корреспондент М.М. Токобаев. Он разрешил моей семье временно поселиться на экспериментальной базе Института биологии Кок-Джар, пока не будет подыскано другое жильё. Временное растянулось на 10 лет. Если бы Анна Григорьевна тогда взяла меня в свои аспиранты, мы не переехали бы в Бишкек. Раза три по каким-то делам А.Г. Головкова появлялась в нашей лаборатории. Может быть в качестве консультанта её приглашала Лидия Ивановна. В последний раз она заходила совсем недавно. Рассказывала о былых поездках на Чаткальский хребет еще с Е.П. Коровиным, как давно это было и какие это незабываемые годы, когда впереди маячили светлые десятилетия блестящей карьеры ученого. Совершенно неожиданно она пожаловалась на изменившуюся ситуацию в связи с новыми политическими веяниями в стране.

– В одночасье, в одночасье, нас лишили всего… – мужа, она называла его по имени отчеству, лишили должности, сбросили в низ с такой высоты. Он занимал в правительстве какой-то значительный пост… и Анна Григорьевна уже не декан факультета и не заведующая кафедрой ботаники в университете, и даже не рядовой преподаватель. Её просто отправили на пенсию.

Мы снова нагибаемся над картой. Наш кабинет – большая, серая, мрачноватая комната. Вдоль стены размещались гербарные шкафы, в которых хранились изученные и определенные крупными специалистами, гербарные образцы растений, в том числе – эдификаторов и доминантов разных растительных сообществ с отдаленных хребтов Тянь-Шаня. Мы тесно сотрудничали со специалистами лаборатории флоры – Р. А. Айдаровой, Р. М. Султановой, И.Г. Судницыной, побывавшими в разные годы в Сары-Челеке, а так же с флористами Института ботаники, из Ленинграда.

Это был очень ценный материал для сравнения и избежания ошибок. Столы стояли посредине комнаты, прикрывая проход. В переднем углу большой сейф, в котором хранились сотни разных рукописных и печатных карт, с грифом «Секретно», пачки геоботанических описаний, полевые дневники и легенды к картам. Во втором отделении сейфа – десятки книг для текущей работы. Книги имели свойство исчезать со столов, и их прятали. Основными материалами, с которыми мы работали, служили не только личные наблюдения в экспедициях, но и карты земле- и лесоустройств прошлых лет. В связи с этим я часто работал в картохранилищах земле- и лесоустроительных предприятий. Наиболее интересными представлялись первые геоботанические карты, составленные в двадцатые и в тридцатые годы, но их было мало. Они напоминали детские рисунки, казалось, совсем недавно были раскрашены цветными карандашами. Вчитываясь в названия контуров с прангосниками, с арчевниками, я видел начерченные, островершинные горы с блестящими ледниками на верху и сбегающими с них голубыми лентами ручьёв, рек и мысли уходили куда-то в те времена, под палящее солнце 30-х, и в пыль экспедиционных караванов…, а я стоял на краю дороги, провожая их взглядом. Значительно больше карт было выполнено в 1940-е и в 1950-е годы. Они составлялись с участием или под руководством лидирующего тогда в Киргизии специалиста, в области геоботанического картографирования, И.В. Выходцева, в последствии крупного геоботаника. Выполняли эту, несомненно интереснейшую работу, выезжали в опасные экспедиции, в разные уголки Тянь-Шаня, фрунзенские геоботаники – И.В. Вандышева, А.Н. Гусарова, П.Т. Жудова, В.И. Сорокина, В.Л. Фомичова, М.Д. Здвижкова, А.И. Одинцова, А.Г. Черкасова, В.В. Танеева, Л.Н. Михайлова, И.Н. Соколова, А. М. Молдояров, Г.С. Сабардина, М.Д. Петрова и другие, среди них Л.И. Попова и В.И. Ткаченко. Чертились карты на разных материалах: на ватмане, картоне, кальке, на тканях или холстах, иногда очень тонких и прочных. В большинстве это были интересные работы, настоящие произведения искусства. В картах 1960-1970-х годов не было недостатка. Мы работали с огромными, легко рвущимися листами бумаги, они представляли собой целые простыни, и я с неохотой их развертывал. Найти на них что-либо было сложно. Мы находили объекты – нужную речку, гору, склон, по возможности выделяли контуры обозначенной растительности и сверяли с контурами новейшей космо-фотосъёмки. Каждый контур на листах космофотосъёмки должен был найти свой прототип па листах старых карт. Этот важный момент работы трудно было упростить, мы многократно контролировали себя, сверяясь с другими источниками… Уже хочется заныть – «…ну, убедились, Лидия Ивановна, начнем проставлять номера…», но мы ещё и ещё раз сверяем каждый контур с первоисточниками.

На картах последних лет я прочитывал имена знакомых мне геоботаников – М.Д. Петровой, Л.М. Фомичовой, Е.П. Ландышевой, Т.П. Тамбовцевой, Л. Печкиной… Составляемые ими карты 1980-1990-х годов изготовлялись в виде удобных красивых планшетов. С геоботаниками Киргизгипрозема мне доводилось выезжать в экспедиции и бывать с ними в маршрутах. Это было романтичное советское время нескончаемого ожидания перемен, когда человек чувствовал свою полезность обществу и был занят ответственным делом. Тогда наука была еще наукой, и все понимали, что она нужна обществу, и никто не осмеливался её унизить, например, лишить финансирования. Институты были полны сотрудников. Уходили одни, приходили другие. Покинув Сары-Челек, я оказался среди интересных людей, в круговороте новых важных дел, сразу же выехал с заданием в район реки Кыркара, на территорию сопредельную с Казахстаном. Там, неподалеку от нашего академического стационара – четырёх вагончиков, пристроилась одинокая палатка Киргизгипрозема. Мы уступили своим соседям вагончик, а я присоединился к ним, по инициативе доктора А. С. Цеканова, который представил меня как солидного знатока растений и поручил мне помочь девушкам Тане и Ларисе в определении гербария и поработать с ними в маршрутах. В действительности же я научился от сотрудниц Киргизгипрозема больше, чем они от меня. Мы путешествовали на лошадях. Описали луковые, вероятно с луком косым *(Allium obliquum),* поймы, по реке Ири-Суу, в Кунгей-Алатоо;

заросли караганы гривастой *(Caragana jubata),* которая свечами возвышалась над арчовыми стланиками, обрамленная ночным инеем сверкала в утреннем солнце; густые, из ивы алатавской *(Salix alatavica),* криволесья, по днищам крутых ущелий; типчаковые степи, флёмисовые и манжетковые луга в высокогорьях; еловые леса по склонам в живописных урочищах Джиргалан (впадает в Иссык-Куль), Тюп, Учкашка, Чен-Джаналач и Турук. Мы сделали десятки описаний, но это из другой книги.

Накопленные за камеральный период вопросы необходимо было разрешать на местах. Дальнейшая работа над геоботанической картой сопрягалась с экспедиционными выездами. Так были организованы поездки в Алайскую долину, в Ферганский хребет, в Кунгей Алатоо, на озеро Сонг-Куль, в уже упомянутую Кыркару, в отроги хребта Нарын-Тоо, в Чаткальский хребет. И вот мы сидим в кузове крытой машины, смотрим «телевизор». Это переднее окно в брезентовой стенке кузова. Когда от дорожной пыли и от высокогорных сквозняков задраены все отверстия, окна, задний полог плотно закрыт с наружи, переднее окно ярко светится. В его контуре мелькают склоны гор, скалы, поляны залитые солнцем, поля, дома, мосты…, взоры всех сидящих устремлены на этот светящийся квадрат…, а на экране в это время проплывают альпийские поляны Сусамырской долины – низкотравные ковровые лужайки. Я всматриваюсь в белые, невысокие цветы, мелькающие около дороги, но так и не узнал, что это – крупки, ясколки, что иное? Ими усыпаны террасы, протекающей рядом одноименной с долиной реки, местами гуще, реже, создаётся впечатление только что выпавшего снега. В отдалении видны кирпично-желтые аспекты троллиусов, здесь же лютиковые луговины и светло-желтые, характерные коврики хориспоры, сиреневые пятна хохлатки Ледебура. В километре на склоне – низкое подобие леса – заросли ив с участием березы. Мы выезжаем из Сусамырской долины, короткий подъём среди обширных снежников, покрывающих северный склон. Перевал Ала-Бель, 3184 м.

Чичкан начался густыми сочными эремурусниками, стланниковой туркестанской арчёй, тёмно-зелеными лепёшками растущей среди эремурусов. Почти сразу же арча стала высокоствольной, появились ельники. Арчевники и ельники, с густыми кустарниками, покрывали склоны. Среди кустарников преобладала афлатуния ильмолистная, встречались рябина, жимолость узкоцветковая, барбарис, спирея зверобоелистная, бересклет Семенова, княжик сибирский, абелия щитковидная. Арчевники, ельники и кустарники так и тянулись широкой полосой по крутым бортам ущелья. В районе слияния Чичкана с Кичи-Арымой остановились. Эмиль Джапарович распаковал свои эскизы и краски, удалился на берег Чичкана, а я пошел на склоны, в густые заросли афлатунии, за очередными описаниями. Вернулись к ужину…

Как много воды несет Чичкан – бурлящий белый поток метров 15 шириной, его не так-то просто перейти. Ложе устилают крупные окатанные валуны. Кое-где они ровными бортиками окантовывают берег. Часты островки со злаковым травостоем из вейников, ячменя короткоостистого, заросшие ивой. В пойме лесочки из тополя черного, березы, боярышника туркестанского, трех-четырех видов ив, несколыших видов шиповников.

По склону, среди кустарников, наблюдалось массовое цветение декоративного лука победного, или черемши *(Allium victorialis),* как правило с двумя широкими листочками у основания. Я не сразу узнал знакомую мне по Сибири черемшу. Здесь это растение было высокое – 0,7-0,9 метра – и стройное.

Мы проезжаем елово-арчевый Чичкан. Из-за суровых зим здесь нет фруктовых и ореховых деревьев, нет населенных пунктов, несмотря на то, что места прекрасные. Возможно, это опасное для поселений ущелье, из-за разливов Чичкана по низкой и узкой пойме, частых, непредсказуемых сходов снежных лавин, селевых потоков. Постепенно арча на склонах и на камнях стала редкой, тугаи вдоль поймы – узкими, появились ксерофильные подушечники, на склонах стала преобладать полынь обильная *(Artemisia prolixa)* – невысокий, ветвящийся, войлочноопушенный полукустарник – один из главных эдификаторов полупустынь в этой части

Тянь-Шаня. Появились также однолетние костры[2], шток-роза *(Alcea nudiflora),* перовския *(Perovscia angustifolia).* Последняя, как писал В.И. Липский, вообще характеризует пустынные, бесплодные места. За Токтогулом пошли сплошные полынники с эремурусами по песчано-глинистым обнажениям – чапам. Аспекты дальних склонов стали бурыми. Поселок Бала-Кичикан, мост, поселок Торкент, мост через реку Нарын. Днища ущелий, впадающих в Нарын, затянуты темно-зелеными, низенькими кустарниками, главным образом вишней тяныпаньской *(Cerasus tinschanica).* Долина расширилась, появилось земледелие, справа и слева – чапы. За чапами, справа, высокая гряда Узунахматских гор, слева, вдалеке, заснеженный хребет Кёкирим-Тау. Чапы имеют вид горного отрога. На фоне ярко-желтого до белого песчаника – бурый, выгоревший налет растительности. Мы пересекаем эти холмы, но чапы по правую сторону продолжались, выдвинув вперед основания – лапы, они напоминали плотно прижавшихся Сфинксов. Это чаповое побережья Нарына. Река Кара-Суу – токтогульская. Видны по холмистой местности низкие, редко высокие кустарники и коренастые ферулы среди камней. При подъезде к Таш-Кумыру начинаются ячменные степи, из ячменя луковичного *(Hordeum bulbosum),* ими были покрыты окружающие Таш-Кумыр холмы, ниже они чередовались с пустынными формациями гипсофитов на пестроцветах[3]. Там, на обнажениях глин, изрезанного, пустынного ландшафта, где как в печке все раскалено, мы видим невысокие – 0,4–0,8 метра – причудливые растения, похожие на маленькие деревья. Это солянка горная[4], придающая антропогенному ландшафту экзотический вид. Проезжая эти места я вспомнил свою первую поездку в Таш-Кумыр, которую, впрочем, никогда не забывал. Здесь уже более 100 лет ведется добыча каменного угля, в количестве, покрывающем до 20-25 % потребностей Киргизии. Пласты расположены на разной глубине и имеют мощность 20-30 до 50 и более метров. Со временем пустоты начали проседать, а на поверхности земли стали образовываться провалы, трещины, ямы, сильно уродующие естественный природный ландшафт, превращая его в специфическую безжизненную пустыню. Последствия этих угольных разработок будут сказываться еще многие годы. По заданию Института, я был направлен сюда в командировку для обследования состояния растительности на этих антропогенных ландшафтах. Так состоялась моя самая неудачная поездка по Киргизии. Накануне мне снилась огромная зеленая гора, наверху присыпанная снегом и наш караван застрял в этих снегах на пути к каким-то озёрам… Несмотря на мои протесты, в командировку меня все же отправили. Из Аркита, куда я первым делом прибыл и откуда намеревался через несколько дней уехать в Таш-Кумыр, я совершил две блестящие по результативности экскурсии: на отрог Тау-Ока – вершину Ыйгыржал, и на отрог Ат-Джайлоо. И там и там я бывал раньше. Маршруты были неторопливы, насыщены интересными наблюдениями. Я собирал растения, уже не все подряд, много фотографировал. Между экскурсиями ночевали на плотине, на водоразделе Ири-Кель – Сары-Камыш, 2005 метров, в киргизской юрте, выпили немало кумыса, много разговаривали, было интересно и весело. Мне не терпелось начать новый подъём на перевалы, я чувствовал себя полным знаний и сил. Затем последовал маршрут на Ат- Джайлоо, у основания этого отрога, у маленького озерца Бакалы, качали мед, и мы поели меда из сот с лепешками и чаем… Моим спутником все эти дни был молодой местный парень, работавший в Сары-Челеке лаборантом. Довольный тем, что все так благополучно происходит, я забыл про свой сон, предвещавший мне в лучшем случае трудности. Уже в поселке произошло еще одно приятное событие, меня встретил и позвал к себе в гости

[2] Здесь и в дальнейшем мы имеем в виду виды однолетних, невысоких, 0.1-0.2 м, злаков, усыхающих уже в начале лета: костер острозубый *(Bromus oxyodon),* костер кровельный *(Anisantha tectorum)* и других, формирующих весной сочно-зеленые густые лужайки.

[3] Тоже что и чапы – обнажения соленосных глин, конгломератов, песчаников, мергелей, слагающих сильно расчлененные пустынные предгорья и низкие возвышенности Тянь-Шаня. Имеют разные, в том числе и яркие цветовые оттенки и нередко – причудливые формы.

[4] Многолетнее, с деревянистым стеблем травянистое растение пустынных высокогорий и среднегорий (сем. маревых).

Артыкбай, мой бывший лаборант. Артыкбай наложил мне в сумку овощей и вареного мяса прямо со стола, который стоял накрытым может быть уже дня три… Тогда у меня оставалось еще несколько свободных дней, и я планировал потратить их на поиски редкого, нового для науки лука, названия которому еще не было придумано. Я находил этот лук неоднократно, по закустаренным бортам Ходжа-Аты, в интервале высот 1300-1500 м, и не подозревал в нём нового для науки вида. Не удивительно, что гербарных листов с ним оказалось мало, так как я отнёс его к угнетенным особям лука Барщевского. Просмотревшие мою коллекцию, в прошлом году, флористы из Ленинграда, попросили при возможности повторить сборы и взяли у меня единственные экземпляры. И вот такая возможность появилась. Вернувшись в свою комнату, я плотненько поел, предусмотрительно оставив половину подаренных Артыкбаем припасов на утро, продумывая при этом предстоящие приятные поиски на склонах, прямо напротив дома, в котором остановился, и лёг спать.

Ночью проснулся от плохого самочувствия и скверной ситуации в животе. Остатки мяса, которые я вчера не доел, покрылось слизью, и я все сразу понял. К утру состояние моё стало совсем плохим, я с трудом выползал на улицу с тщетной попыткой прочистить желудок. Меня нашли сотрудники, посадили в туристский автобус из Таш-Кумыра, в котором не было мест, и я лежал посреди автобуса в проходе, мешая всем. Туристы веселились, шумно разговаривали, пели, а рядом с моей головой стояла большая кастрюля с супом, который выплескивался на ухабах и поворотах. На полпути закончился бензин. Меня везли уже на попутном самосвале. Я так же валялся посреди железного кузова, потом, где-то, не доезжая Таш-Кумыра километров 8-10, в 50 метрах от реки Кара-Суу в пустынной местности, остановились, и уже в полной темноте дошли до крошечного селения из двух-трех построек, с загоном для скота, одиночными деревьями, просторной оградой. Уложили в постель, вызвали из Таш-Кумыра скорую, сказав для верности, что заболел крупный ученый из Бишкека. Скорая пришла быстро. Меня снабдили лекарствами, а так как кризис миновал, оставили в покое. Я не оказался бы здесь сам. Меня привез к себе, к своим родителям новый сотрудник из Сары-Челекского заповедника Куштарбек Шабдавнов. Я прожил у этих людей несколько дней, за мной ухаживали, отпаивали чаем, айраном, свежим молоком. Отдыхая под навесом, в постели, я размышлял о превратностях судьбы: какой-то незначительный эпизод – и моя телега, сбившись с пути, покатилась под откос… Я видел голубое небо, слышал шум протекающей рядом Кара-Суу – стремительной, прекрасной реки, негромкую речь киргизских женщин, хлопочущих у очага. Закрывал глаза и перед моим взором возникали грандиозные фантастические картины, виденные до мельчайших подробностей – огромный водопад, несущий бесконечные потоки воды, белые от пены и брызг, они падали с отвесных стен и казались застывшими из-за размеров зрелища. Панораму гор, каких-то не земных, более грандиозных и высоких. Галактику, распластанную перед моим взором миллиардами звезд. Галерею портретов, с какой-то анатомической подробностью, я видел каждую морщинку, каждую пору на их лицах. Портреты я не любил рассматривать, сразу же открывал глаза и с радостью видел голубое небо, залитые солнцем, выгоревшие, но земные горы. По мере выздоровления картины стали реже и наконец исчезли.

Волей-неволей, оказавшись в районе Таш-Кумырских шахт, где нужно было, по заданию, провести исследования, я сделал описания растительности техногенных ландшафтов. Куштарбек помог мне добраться до участков под Таш-Кумыром, где наиболее активно происходят эрозионные процессы. Он прекрасно знал старые и новые угольные шахты, их расположение. Потом мы с ним распрощались, он посадил меня в автобус, на котором я уже один доехал до Таш-Кумыра. Маленький шахтерский городок оказался многолюдным. Виднелись новые микрорайоны с многоэтажными домами. В центре уютные старые усадьбы, окруженные заборами, садами и огородами, за непроницаемым фасадом которых таилась неведомая жизнь. Дожидаясь рейсового автобуса, я несколько часов ходил по извилистым, горбатым улицам Таш-Кумыра. Мучила жажда. В киосках продавали какой-то хлебный напиток – что-то среднее

между пивом и квасом, впрочем, очень приятным, с хлебным осадком на дне. Рискуя, я пил его кружку за кружкой, и сегодня совершенно уверен, что этот напиток помог мне справиться с последствиями отравления.

Однако вернемся к повествованию. Еще на подъезде к Таш-Кумыру мы обратили внимание на появление по склонам, примыкающим к днищам рек, ручьёв, небольших деревьев чаще – шарообразной формы. Предположили, что это арча, потом решили, что это фисташка. Совместно с ней произрастала стелющаяся по земле вишня тяныпаньская и редко – другие кустарники. В отдалении от Таш-Кумыра, по обе стороны от Нарына, фисташники поднимаются вверх до самых приподнятых частей. Это примерно 500 метров от уровня реки. В окрестностях Таш-Кумыра фисташки и кустарники на склонах редки или совсем отсутствуют. Перед Джанги-Джелом, ячменники сменились сообществами другого ксерофитного злака – бородача кровеостанавливающего *(Bothriochloa ischaemum).* Следуя примеру некоторых авторов, будем называть его короче – обыкновенным, или просто бородачем. Итак, мы проезжаем район «афлатунских бородачевников». Такую географическую привязку дал им Е.П. Коровин, считая, что в бассейне реки Афлатун бородачевый массив самый крупный – реликтовый, остатки некогда более распространенных сообществ, господствовавших в третичное время. В окно видны покрытые им склоны, а мы проезжаем дальше, в Аркит.

Аркит – небольшое село, насчитывающее немногим более тысячи жителей, но имеющее в связи с тем, что здесь находится контора биосферного заповедника, большую известность, чем, например, крупные соседние селения – Кызыл-Туу Афлатун, Караван. Население Аркита пестрое, здесь есть европейцы, но значительно больше коренных аркитцев, из них большинство неработающие. С работой здесь сложно. Но народ не унывает, не бедствует, уважительно относится друг к другу, к русским. Пьянки, скандалы и ссоры здесь редки, драк не бывает. Вообще я сделал одно интересное наблюдение, может быть субъективное, что ошские киргизы гостеприимнее и приветливее северных, они рассудительнее и мудрее, они даже чем-то не похожи. Я не буду выясняснять чем. Поживший там и там – сразу поймет. Возможно, что ошские киргизы меньше затронуты урбанизацией и находятся в более естественном состоянии. Поселок Аркит не называют кишлаком. Это понятие уже становится устаревшим. О кишлаках мы привыкли думать как о небольших горных селениях, находящихся труднодоступных местах, без света и других признаков цивилизации. Аркит, Кызыл-Туу, Караван, Джанги-Джол – современные села с новыми кирпичными и старыми саманными постройками. Отдельными фрагментами улиц, их расположенностью глубоко в ущельях, среди скал и склонов, утопающих в зелени тополей, фруктовых деревьев, они напоминают прошлый век и конечно – кишлак. Но в домах светло, есть мебель – столы, стулья, кровати, шкафы вмещающие многочисленные постели. По традиции кушают на полу, расстилают скатерть, места хватает всем – это что-то от юрты. Дома окружены садами и огородами – влияние европейской культуры. В садах – яблони, сливы, вишни, иногда, сохранившиеся со старины, родовые орехи, как правило, хорошо плодоносящие. Киргизы недолюбливают земледелие, их огороды редко изобилуют овощами, но элементарные культуры они все же выращивают – зелень, морковь, которые употребляют в огромном количестве с мясом. В последнее время условия жизни больше благоприятствуют оседлости, и киргизы чаше стали обращаться к земледелию. На джайлау – горные пастбища – выезжают не все, да и джайлау – это подняться в ближайшие высокогорья. Раньше кочевки были далеко и на все лето, теперь рядом. Общественные сады находятся в запустении – заповедный перегиб. Их никто не пополняет новыми сортами и молодыми деревьями, но они остаются огороженными и не зарастают дикими кустарниками, так как под ними косится сено. Такие сады сохранились по террасам в Нижнем Кичкиле, в Сары-Камыше и в некоторых боковых ущельях. Мы прожили в Арките пять лет, имели свой огород, свой сад и свой орех…

Первую новость, которую мы услышали в Арките, это то, что на горе Тооку, на телевизионной подстанции, погиб человек, его нашли в бочке с водой. Предполагали, что он зани-

мался йогой, останавливал сердце и, растерявшись, не смог его снова включить. Потом замолчали об этом, новостью недели стала другая сенсация. Уехавший за сеном лесник Эгинберды пришел домой без коня и без сена. Оказывается, едва он воткнул вилы в стог, как выскочивший из-под него огромный кабан сломал лошади ногу, перекусил вилы, вероятно древко, а сам лесник едва отскочил, в сторону… Очередная сенсация не заставила себя долго ждать. Госинспектора по охоте В. Борзова лишили всех прав, отняли партбилет за превышение полномочий – где-то задержал начальство. В Караване был суд, и нас всех сотрудников в назидание, туда возили. Сенсацией стало и то, что в Томояк-Сае пришлось застрелить зубра, бросавшегося на людей… а народ уже обсуждал с некоторой иронией, привилегии не в первый раз приезжавшего из Ташкента Анатолия Савилова. Говорили что он друг директора, имеет большие связи и деньги достаёт пачками… У него собирались интересные люди, приезжавшие из разных городов страны и меня влекли их «застольные беседы», проходившие за большим столом, главным образом вечерами, или ночью, под музыку или даже под пение соловья весной. Говорили странные, удивительные вещи – об экстрасенсах, об НЛО, военной технике, обсуждались темы связанные с политикой, с чистками в эшелонах власти, и все это напоминало нам, что где-то бурлит жизнь, происходят судьбоносные события. Ощущалось смутное, не ясное предчувствие грядущих перемен…

Нас тоже не оставляли в одиночестве. Заходил в гости Валентин Михайлович Путинцев – незаменимый человек в заповеднике, правая рука директора. Без него не решалось ни одного вопроса, он писал все отчеты для Москвы, кроме научных, все бумаги и протоколы проходили через его руки. Он дежурил в конторе, когда все разбегались по домам и маршрутам, он первый просматривал почту – газеты, журналы, читал, потом давал нам. Заходила к нам Юлия Прокопьевна Малявина, пожилая женщина, наиболее яркая фигура из всего Аркита. Она знала киргизский язык, может быть даже лучше самих киргизов, знала их пословицы, поговорки, пела киргизские, русские, украинские песни, преподавала в школе, занималась огородничеством, пекла хлеб, угощала нас и хлебом и плодами своего огорода. Она первая почувствовала холодок нового времени… Заходила баба Маруся, снабжавшая нас яйцами и некоторыми продуктами. Она была очень набожной, одевалась плохо, грязно, выглядела нищенкой… Приходил медбрат Болот, он при необходимости делал уколы Александру и маленькому Антону. Необходимость эта возникала часто. Даже если Александр и называл его «плохой дядя», он был, я думаю, что и продолжает быть, безотказным и добрым человеком. Заходил Кенеш, пожилой немного грузный человек, высокой врожденной культуры, лаборант А. Прусакова, а заодно, заведующий складом научного инвентаря. Он сильно страдал от ежегодных сенокосов, куда его постоянно отправляли на месяц и даже больше… Заходил Авган, охотник и браконьер. Он нередко стучался ночью, приносил дичь, как правило, что-то от кабана. Взамен ничего не брал, он просто делился излишками. Иногда просил лошадь. Авган много раз выручал нас и лепешками и дичью. Приходил Жеден, казах, работавший главбухом. «И зачем вы покинули такой большой город Иркутск и приехали в эту дыру?» – искренне говорил он, выслушав нашу историю. «Вы не знаете, что вас здесь ожидает». Он открыл нам «национальный вопрос», и мы впервые узнали, кто есть кто и почему это очень важно. «Как, вы не знаете кто здесь кто? Вы ничего не понимаете в жизни», и он стал нас просвещать. За примерами далеко не шел, он называл хорошо знакомые нам имена и комментировал: «Этот – бухарский еврей, он хитрый, себе на уме и держится около начальства». «А этот – еврей из Москвы. Он нашему бухарскому еврею не чета, тот его в два счета обставит. Но он здесь долго не просидит, его что-то вынудило из Москвы уехать. А этот – чистокровный узбек, он тут над киргизами голова, над казахами он, конечно, был бы никто. А вот эта семья – хохлы. Они похитрее русских и более зажиточные. Русских здесь богатых почти нет, а вот хохлы все зажиточные… Все национальности, чем дальше на юг, тем менее цивилизованные. В древности наоборот было. Самые цивилизованные казахи, затем узбеки идут, киргизы, потом уж туркмены, а самые дикие таджики, они в горах

совсем одичали…» Он рассказывал интересное и поучительное, сидя на лавочке, под сиренью, потягивая чай, держа в обозрении контору и часть улицы. Рассказывал о своих командировках в Москву: «Я сразу к самому главному не иду, сначала обойду всех заместителей, узнаю как дела, что есть на складах, чего нету, договорюсь с ними, потом иду к главному, прошу, что нужно, он, конечно, вызывает заместителей, а я с ними уже договорился…». Жиден проработал недолго, через три года с огромным багажом нажитого он покинул Аркит, уехал в родной Казахстан.

В те первые месяцы нашего пребывания в Арките я приходил на работу в контору и добросовестно сидел целыми днями за столом, изучал литературу, гербарий, оставленный предшественниками, то ли Ю.С. Лыновым, то ли ещё Х.У Борлаковым, а точнее это были совершенно бесполезные остатки растений с перепутанными этикетками и ободранными цветами. Как-то, подняв голову, я увидел перед собой улыбающегося молодого человека, невысокого, плотного, с короткой черной бородкой и дружественно протянутую его ладонь. Через несколько минут, мы уже обсуждали, как подняться на видневшиеся в окно отвесные скалы, где, как он узнал, должно быть мумиё. Это был Игорь Додосян, ведавший в Сары-Челеке телевизионными делами. С этого времени он занял в нашей аркитской жизни особое место, внося в неё сумбур и веселье. Мы не карабкались с ним на упомянутые скалы, зато много раз встречались за праздничным застольем. Игорь объединил на этой основе почти всех сотрудников, погуляв в одном доме, мы шли в другой, потом в третий, не забывали приглашать и к себе. У него имелись хорошие записи концертов, он обладал великолепным чувством юмора, был блестящим рассказчиком. Впоследствии Игоря выжили из Аркита. Слишком теплое местечко он занимал. На смонтированный и полностью отлаженный им телетранслятор пришел другой человек. Следы Игоря потерялись. Я слышал, что он устроился наладчиком телетранслятора на горе Бозбу. Правда, через несколько лет он приезжал к нам в гости, в Бишкек.

Летом 1981 года рейсовый автобус выгрузил среди Аркита немногочисленных пассажиров. Один из них неторопливо поплелся в сторону конторы. Затем, через некоторое время, его одинокая, немного сгорбленная фигура, освещенная лучами вечернего солнца, стала неуклонно приближаться к моему дому, где я копался в саду. Пока приехавший приближался, я рассмотрел его. Одет он был в темный, немного помятый с дороги костюм, на ногах были надеты коричневые дешевые плетенки, а на непокрытой голове копна растрепанных, кучерявых волос. Он был похож на поэта, приехавшего отдохнуть в Подмосковье.

– Кандидат биологических наук, Павел Викторович Мельников, – представился приехавший. Я назвал свое скромное имя. Мы разговорились. Через некоторое время, опустошив трехлитровую банку молока, наш новый знакомый предложил мне сыграть партию в шахматы. Я проигрывал, а он, после каждого моего неудачного хода, приговаривал:

– Силён, силён, начальник.

Таким образом, наши отношения в первый же вечер стали дружественными. А еще через несколько дней я вел за собой в горы нового научного сотрудника, по крутому склону, в урочище Нижний Бакай-Сай, под полог орехового леса. Кряхтя и обливаясь потом, Павел тащился за мной, отдыхая через каждые три метра, наотрез отказываясь вернуться назад. Ему было очень тяжело. С тех пор наши маршруты с Павлом стали обычным делом. Павлу нужны были знания растений и местности, а мне нужен был напарник. Несколько эпизодов из наших путешествий описаны на страницах этой книги, добавлю только, их было значительно больше. Я видел, какое восхищение вызвали у Павла огромные красные антеридии[5] сарычелекской хары – водоросли, растущей по дну арыков и устилающей местами большие площади с проточной водой, сплошным харовым ковром. Водоросль, между прочим, прекрасно очищает и фильтрует воду арыков, в которых местные жители моют посуду, стираются, чистят зубы и которую

[5] Орган размножения у водорослей и у некоторых других низших растений.

просто пьют, зачерпнув кружкой, а арык течет дальше, к другим дворам, где происходит то же самое. Антеридиев на харах было так много, что в глаза бросался, если держать перед собой водоросль, какой-то необычный, красноватый, едва уловимый оттенок. Павел говорил, что они значительно крупнее тех, с которыми ему приходилось работать в прошлом, в одном из московских институтов, и в них было бы легче вставлять электроды. Размеры антеридиев достигали 1 миллиметра. Со временем наши совместные путешествия по заповеднику прекратились. Став начальником, Павел предпочитал оставаться в конторе, заниматься бумажными делами. Вскоре он вернулся в Москву. О том, что заставило его однажды уехать из столицы в Сары-Челек на два-три года, Павел не рассказывал. Он имел возможность вернуться в любой момент, и этим имел огромное преимущество, в частности перед нами, взорвавшими все мосты. Имуществом в Сары-Челеке он не обзавелся, как приехал, так и уехал, налегке.

Были и другие сотрудники – старожилы заповедника, зоологи Гриша Бабак и Анатолий Прусаков, проработавшие здесь уже по нескольку лет. Успешно работала орнитолог Ира Лебяжинская, из Самары, с которой я познакомился в первый день приезда, слоняясь от конторы к гостинице и обратно. Она занимала комнату в гостинице, на втором этаже и, разложив на столах и чемоданах свои книги, не теряя времени, приступила к научной работе. Она приехала в в Сары-Челек на день раньше меня. Самым последним из сотрудников, в 1982 году, в Сары-Челек приехал Анатолий Гвоздев, тоже из Самары, но без участия Иры. Еще студентом пятого курса он побывал здесь, был покорен красотой горных ландшафтов и вернулся через год. Он, конечно, не знал, что здесь бывает убийственная скука зимой. И ни к кому не пойдёшь, с тем в ссоре, этот надоел, у всех свои дела, свои заботы. Гвоздев проработал в заповеднике недолго, всего два года. В снежную зиму 1984 года он смастерил из деревянных брусков санки, прикрепил к ним большой, аккуратно сделанный ящик, сложил туда все свои пожитки и в ночь, наутро ушел пешком из Аркита. Вместе с Гвоздевым из Сары-Челека ушло еще что-то, весьма существенное.

Я явственно ощутил это утром следующего дня, когда, выйдя на улицу, увидел саночные следы, припорошенные свежим снегом. Мне стало необыкновенно тоскливо. С А. Гвоздевым мы почти не сотрудничали в нашем главном профессиональном деле – сборе и определении растений. Он работал сам по себе. Может быть, мы чувствовали друг в друге соперников, не знали, как разделить науку, чтобы наши пути не пересеклись на её бескрайних просторах. Казалось, в отношении ботаники между нами пробежал холодок, несмотря на то, что во всем остальном мы оставались друзьями. Чтобы не казаться эгоистом, добавлю, за месяц до его отъезда, я написал программу и предложил Анатолию совместно заняться научной работой по всем разделам, в том числе по инвентаризации флоры и по картографированию. На что он ответил, что уже твердо решил уехать, что не видит здесь никаких перспектив для роста… Как оказалось, он был прав. Близился развал СССР. В отдаленном горном заповеднике можно и полезно поработать, по молодости, лет пять, не больше. Вернемся в Таш-Кумыр.

Мы вернулись к «сухим степям» только через месяц, к концу августа, спустившись с высокогорий. Уже давно отошла весенняя волна эфемеров, отцвели и побурели многие травы. Нас интересовала верхняя полоса сухих степей, простирание по бородачевым и ячменным сообществам, составляющих ядро саванноидного типа растительности, деревьев, кустарников – таких как роза Эчиссона *(Rosa ecae),* вишня тяныпаньская *(Cerasus tinschanica),* фисташка настоящая *(Pistacia vera),* абелия щитковидная *(Abelia corymbosa),* орех грецкий *(Juglans regia),* абрикос *(Armeniaca vulgaris)* и других. Для маршрутов по южным отрогам Бозбу-Тау остановились в селе Караван, в гостинице. С этим большим селом, районным центром, связано немало событий. Караван расположен у границы Киргизии с густо заселенным Узбекистаном, с его пестрыми рынками, многолюдными городами, многокилометровыми селами, переходящими в города и снова в села, и не было им конца, везде люди, люди, люди…, под навесами в чайханах, на дорогах, в полях… С киргизской стороны многолюдности не видно. Караван – скучное село.

Тот, в первый раз увиденный, зимний Караван произвел противоречивое впечатление. Было не по-зимнему тепло. Фонари на улице светились сквозь хлопья обильного снега, который скрывал всю грязь… Нынешний, летний Караван был совсем другой – душный, грязный. От стен и заборов пахло мочой. Воды, ни в гостинице, ни на рынке, ни в колонках на улице – не было. Набирал я ее рано утром, затемно, когда десятки, а может сотни петухов начинали единовременно кричать своё интернациональное «кукареку», сливавшееся в единый, непрерывный петушиный хор, а один из них с надрывистым хрипом кричал совсем рядом…

Караван – село с несколькими сотнями дворов, где только в центре, формируя перекресток, стояли пять-шесть одно-двухэтажных кирпичных или панельных зданий – гостиница, три магазина, администрация, кинотеатр и огромная голова вождя революции, доставшаяся Каравану, надо полагать, не слишком дорого, из-за существенного дефекта – в трехметровой каменной глыбе, на самом видном месте, проявилась другая порода в виде черного пятна на щеке или повыше. Тем не менее, это был монументальный памятник, предназначавшийся, вероятно, для большого города. На перекрестке светились фонари на столбах, освещали площадь перед кинотеатром.

Она запомнилась. Мы ходили по единственному перекрестку Каравана и рассматривали достопримечательности целый день. Грели Сашку в магазинах, пока они были открыты. Несколько часов толкались на безобразной и грязной автостанции, где скопилось множество народу. А затем, в битком набитом автобусе, вслушиваясь в непонятную киргизскую речь – смех, возгласы, шутливые интонации мужчин, женщин с детьми, сидящих почти друг на друге, с мешками, сумками, какими-то покупками, вроде тазов или детских велосипедов, но совсем не унывающих, напротив – улыбающихся нам и друг другу приветливо и добродушно – тряслись часа три или четыре, пока не прибыли в Аркит, в заповедник. Было 29 февраля 1980 года.

До Каравана на нашем пути был Ош – город областной, уступающий по населению может быть только узбекским городам в Фергане – Намангану, Андижану, Коканду. Тем не менее, Ош равновелик этим городам и он значительно более знаменит, так как всегда был любим путешественниками. Здесь благодатный климат – не слишком жарко летом и не холодно зимой. В Оше была, а может есть и сейчас, крупнейшая база Академии наук, находилось несколько крупных автотранспортных предприятий, где можно было арендовать машины для поездок в горы, останавливались экспедиции перед решительным броском на Памир, базировались туристы, альпинисты и просто искатели приключений. Вчера остановились в гостинице «Алай». Сегодня, отдохнув, вышли на улицы. В пестрой толпе прохожих, в равных пропорциях встречались киргизы, узбеки, европейцы и реже другие – уйгуры, таджики… Город с 250-тысячным населением, многонациональный – столица южной части Киргизии. У него многовековая история, связанная со знаменитыми именами, в том числе царственными. Пошли вдоль узкой улицы, на которой много магазинов.

Бросилась в глаза особенность восточных рынков – здесь всё выставляется на прилавок, под бороды и под рукава потенциальных покупателей. Сахар рассыпают по прилавку большой конусовидной горой, чтоб было видно, каков он. Так и другие сыпучие продукты – крупы, зерно, сухофрукты, сладости… Прямо отсюда их и продают. Я понимаю, можно рассыпать по прилавку моющийся продукт, но рассыпать сахар… Везде видны плоды садов и огородов, перечислять которые нет необходимости. Везде мы видим торговцев хлебом с большими корзинами, продающими лепешки, от серых, заменяющих здесь черный хлеб, до белых или янтарно-желтых. Они разложены румяными, ароматными стопками. Лепешки – главный хлеб в Средней Азии. Другие хлебные изделия здесь мало кто замечает. Без лепешек не обходится ни одна трапеза. Их ломают, окунают в мед, в сметану, как бы черпают ими эти деликатесы из общей миски, и они действительно становятся вкуснее, чем если бы были взяты ложкой. В этом нет ничего удивительного, и традиционный плов здесь берут руками из общей посуды, сложив пальцы ложечкой, и несут в рот, хорошо облизывают, но оставшиеся рисинки (как,

такого слова нет в русском языке?) стряхивают обратно в чашку, это считается хорошим тоном, и снова берут плов. Кто брезгует – остается голодным и таких, как правило, нет. Русским могут дать ложки, но не отдельную миску. Таковы обычаи. Чай наливают понемногу, плеснут на три глотка, как только видят, что ты с ним расправился – сразу же подливают свежего, горячего, а ты чувствуешь заботу. Если налили и поставили перед тобой полную чашку, что-то тут не так, выпивай, уходи – или требуй объяснений.

Посудная лавка в Оше. Начало 20 в. Рисунок из книги «Ошская область, энциклопедия», Фрунзе, 1987 г.

С улицы магазинов завернули на рынок. Он старый, древний. Таким он был и 50 и 150 лет назад. В землю вкопаны толстые столбы из арчи метра три высотой. На них крепятся стены, держится крыша. Прилавки из досок до черноты отшлифованы бесчисленным количеством прикосновений. Торговцы приходят сюда как на праздник. Я вижу старого неторопливого узбека. Его движения точны, ловки. Полвека назад, молодым человеком, он приходил сюда, садился на эти доски. Удивительно, рынок не многолюден, мало того – он пуст. В какой-то миг мне показалось, что мы здесь одни. Кругом пустые прилавки. Почему? Мы пришли слишком поздно? Так и есть. К обеду рынок пустеет, так как все значительные товарно-денежные операции происходят рано утром. Но это не относится к узбекским рынкам, которые даже вечером полны народа. Тем не менее, и здесь торгуют узбеки. Киргизы редко выступают в качестве продавцов, да и узбеки оптом скупают у них мясомолочную продукцию, если таковая есть, и держат монополию торговли в своих руках. Я был удивлен немноголюдностью ошского рынка с которым, как пишут путешественники, «не может сравниться даже знаменитый ферганский… Здесь можно съесть жирный кашгарский лагман или сочный шашлык из гиссарского барашка, запить еду алайским кумысом, побрить голову без мыла у узбекского цирюльника, купить маргеланский нож и памирские джурабы, послушать наманганских зурначей, сторговать за полтину ведро местных помидоров, а при желании – узнать судьбу у гадальщика уйгура, ловко кидающего кости. Ош это город-базар…» Словом, все удовольствия (О. Е. Агаханянц, 1987, не преувеличивает).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.